

Но кто такой Цинь Цю? Это мужчина, у которого было три любовника, и он осмеливался крутить роман сразу с тремя. Настоящий мужчина среди мужчин. И подумайте только, кто были его любовники — каждого из них наугад, и это будет выдающаяся личность.

Каждый из них словно соревновался, чье сердце чернее, ни один не был чист или милосерден. Их взгляды были пропитаны кровью, и их разрушительная сила не могла сравниться с таковой у режиссера Ли, человека литературного склада.

Однажды Цинь Цин взял его с собой на подпольный бой без правил, где на арене в маске сражался Ли Вэйфэн. Кровавый и жестокий, как машина для убийств, он расправился с противником и, стоя на арене, бросил взгляд на здоровяка, который протиснулся вперед. Тот тут же подкосился.

Что касается Цинь Цю, то, когда взгляд Ли Вэйфэна упал на него, он замер на месте, не потому что не мог двигаться, а потому что не смел. Дрожал, словно его приковал взгляд самого опасного существа.

Таким образом, после испытания тремя любовниками Цинь Цю заявил, что его способность переносить удары по самолюбию и сердцу возросла не на один-два уровня.

Увидев, что Цинь Цю не только не боится его взгляда, но и ведет себя с еще большей непринужденностью, холодное лицо режиссера Ли вдруг расцвело, словно яркая хризантема.

Он взял Цинь Цю под руку и ласково сказал:

— Может, ты сыграешь эту роль в моем фильме?

Цинь Цю, не задумываясь, ответил:

— Отказываюсь.

Хэ Юаньян же с недоверием обратился к режиссеру Ли:

— Режиссер Ли, он всего лишь бедный учитель! Не профессиональный актер!

Режиссер Ли махнул рукой:

— Я режиссер, я решаю. К тому же, сейчас в индустрии не так уж много профессиональных актеров.

Хэ Юаньян замаялся, ведь он тоже не был профессиональным актером. Но он не мог смириться с тем, что считал эту роль своей. Сжав зубы, он сказал:

— Режиссер Ли, это действительно несправедливо. Взять кого-то с улицы на роль, за которую мы боролись изо всех сил, — это слишком несправедливо. Если это выйдет наружу, это вызовет насмешки.

Эти дерзкие слова вызвали недовольство режиссера Ли, и он нахмурился, глядя на Хэ Юаньяна с ненавистью в глазах. Он уже мысленно отверг его. Несправедливо? Если бы не ради Ли Шицзя, он бы даже не попал в съемочную группу. Видимо, даже Ли Шицзя иногда ошибается.

Режиссер Ли спокойно сказал:

— Он смог увидеть суть Янь Гу в сценарии, понять смысл его существования. Этого достаточно,

чтобы убедить меня.

Хэ Юаньян хотел продолжать спорить, но Ли Шицзя остановил его и мягко сказал режиссеру Ли:

— Дядя Ли, одного чтения сценария недостаточно, чтобы судить об актерском мастерстве. Сразу назначать его на роль может вызвать недовольство у других. Почему бы не дать учителю Цинь пройти пробы? С одной стороны, вы сможете убедиться, сможет ли он сыграть так, как вы хотите, а с другой — это успокоит всех.

Режиссер Ли задумался, размышляя над этим.

Ян Хэсюй, увидев это, тоже решил высказаться.

— Режиссер Ли, Шицзя прав. Это дело касается всей съемочной группы, и нельзя относиться к нему легкомысленно. Если из-за этого возникнут ненужные проблемы, это будет плохим предзнаменованием.

Услышав о «плохом предзнаменовании», выражение лица режиссера Ли смягчилось.

Ян Хэсюй воспользовался моментом:

— Кроме того, Сяо Цю тоже нужно подумать. Пробы помогут ему решить, стоит ли браться за эту роль. Верно, Сяо Цю?

Цю, твою мать!

Ян Хэсюй улыбнулся:

— Сяо Цю?

Цю, твою ХХ!

Цинь Цю с каменным лицом ответил:

— Угу.

На съемочной площадке собрались зрители, и те, кто только что сплетничал о Цинь Цю, смотрели на него с изумлением.

Режиссер Ли сидел на пластиковом стуле впереди, рядом с ним сидели Ян Хэсюй и Ли Шицзя, а также известный в индустрии ветеран Чжан Хуаймин.

Хэ Юаньян, оставив свою высокомерную манеру, перед всеми вел себя скромно. В белой футболке, черных брюках и кроссовках, с милостивой внешностью и застенчивой улыбкой, он вызывал симпатию у окружающих.

Его образ «хорошего мальчика» пробудил материнские инстинкты у большинства женщин на площадке, и они едва сдерживались, чтобы не броситься к нему, не обнять и не закричать от восторга.

Если бы не правила съемочной площадки, запрещающие фотографировать, они бы уже нацелкали снимков, чтобы позже любоваться ими.

В то же время Цинь Цю, с его высокомерным и отстраненным отношением, опущенной челкой и мрачной аурой, не вызывал ни у кого симпатий.

Даже в очках с золотой оправой он выглядел как настоящий злодей в одежде джентльмена.

Режиссер Ли, листая сценарий, указал на отрывок и сказал:

— Сыграйте это.

Хэ Юаньян, выслушав описание отрывка, попросил разрешения на грим. Режиссер Ли долго раздумывал, прежде чем неохотно согласился.

Цинь Цю заинтересовался, слушая описание этого впечатляющего эпизода. Это был момент, который он не видел в прошлой жизни, незнакомый ему.

По взгляду режиссера Ли было видно, что это кульминация всего фильма, переломный момент, когда облик Янь Гу как очаровательного демона полностью раскрывается перед зрителями.

В этом эпизоде главный герой Фэн Бай оказывается загнанным в угол Янь Гу, его гордость сломлена. В отчаянии его спасают, и он переживает перерождение.

В этой сцене Фэн Бай встречается с Янь Гу, их единственная встреча в фильме. Но этого достаточно, чтобы Фэн Бай погрузился в очарование Янь Гу, став одержимым им.

Но в прошлой жизни эту сцену вырезали, и она не появилась в фильме. Позже в интервью режиссер Ли случайно упомянул, что это было его сожаление.

Потому что никто не смог передать великолепие Янь Гу в этой сцене, и он предпочел вырезать её.

Неудивительно, что в конце фильма, когда Фэн Бай услышал, что Янь Гу сгорел заживо в королевском городе, его лицо выражало сожаление и скрытую печаль. Это заставило некоторых зрителей задуматься, есть ли у Фэн Бай какая-то привязанность к Янь Гу.

А слова режиссера Ли стали отличным подтверждением этих догадок.

Цинь Цю, размышляя об этом, с блеском в глазах под очками, тоже вышел вперед и сказал режиссеру Ли:

— Режиссер Ли, мне тоже нужно на грим.

Режиссер Ли махнул рукой, не говоря ни слова, и отпустил его.

На съемочной площадке был общий гримерный зал и отдельный гримерный кабинет. Хэ Юаньян пошел в отдельный кабинет, где его гримировал личный визажист.

Цинь Цю зашел в общий гримерный зал, где визажисты неохотно соглашались его гримировать, и в конце концов вытолкнули вперед стажера, молодую девушку.

Девушка, только что вышедшая в мир, еще не научилась подхалимству и была живой и открытой. Она тут же открыла гримерный ящик, разложила инструменты и сказала:

— Я слышала, что тебя зовут Цинь Цю, я буду звать тебя брат Цинь. Меня зовут Го Сяохай, имя немного мужское, но я настоящая железная леди. У тебя красивая форма лица, думаю, основа

хорошая. Давай закрепим челку, сними очки, и я сделаю тебе красивый и соблазнительный макияж, ты не проиграешь, ик—

Цинь Цю снял очки, закрепил челку и с коварной улыбкой посмотрел на девушку. Он даже легкомысленно поднял указательный палец, чтобы поддеть подбородок девушки, а затем, с изогнутыми кошачьими глазами, сказал:

— Сяохай, ты довольна тем, что видишь?

Го Сяохай замерла, глядя на него, а затем, словно сводня, выбирающая жениха, схватила лицо Цинь Цю и воскликнула:

— Красавец! Красавец! Соблазнительный! Демон! Не волнуйся, брат, я сделаю из тебя настоящего искусителя.

Цинь Цю на мгновение застыл, вспоминая, как эта хрупкая и нежная девушка была вытолкнута вперед, словно белый лотос... и подумал, что сейчас уже не осталось настоящих мягких девушек.

Но он быстро пришел в себя и остановил порыв Го Сяохай:

— Сделай меня обычным, ладно?

Го Сяохай растерялась, не понимая.

Цинь Цю напомнил ей:

— Янь Гу обладает заурядной внешностью.

Го Сяохай тут же поняла, но она также знала, что хотя Янь Гу и был заурядным по внешности, он был очаровательным демоном в фильме, и в реальной жизни такой человек был бы невозможен.

Ведь первое впечатление — это внешность. Без красивой внешности, откуда взяться великолепию?

Даже режиссер Ли молчаливо выбирал актеров с привлекательной внешностью. А Цинь Цю действительно хотел воссоздать заурядную внешность Янь Гу?

Го Сяохай, видя настойчивость Цинь Цю, согласилась сделать его внешность обычной. И надо сказать, у Цинь Цю была прекрасная кожа, гладкая, мягкая и упругая.

Он полужакрыл глаза, его длинные ресницы, словно бабочки, слегка шевелились, будто готовые взлететь.

Наблюдая, как красота постепенно превращается в обыденность, Го Сяохай, как визажист, испытывала боль. В конце концов, из жалости и собственных чувств, она специально подчеркнула его кошачьи глаза, нарисовала стрелки и подправила брови, чтобы сделать его взгляд более глубоким и красивым.